Из опыта старого лаечника. — Худяков П.

Многие любители охоты с лайкой не придают значения ее чистопородности. Им все равно — какая бы ни была собака, лишь бы работала. По-видимому, они никогда не видели работу хорошей чистопородной лайки и не представляют разницы в стиле и манере поиска, а равно и в продуктивности охоты с кровной или беспородной собакой. Иначе бы они так не думали!

Охотничьи качества чистопородных лаек складывались на протяжении веков. Они стойко передаются по наследству. Для породной лайки характерен энергичный, «звериный» поиск, слежка зверя и птицы на высоких аллюрах.

Если от вязки породной лайки с беспородной собакой отдельные щенки, возможно, и наследуют рабочие качества лайки, то уж последующим поколениям эти качества по наследству, как правило, не передадутся. Беспородная лайка обычно обладает медлительным и коротким поиском, вялым гоном; охота с ней малопродуктивна.

Чистопородная лайка наделена от природы острым чутьем и широким поиском. Однако на первых порах охота с ней может оказаться малодобычливой. Ведь ее хозяин, особенно горожанин, охотится с ней мало, в лесу бывает редко, а когда бывает, то часто довольствуется пустыми угодьями. В таких условиях молодая лайка не в состоянии проявить свои наследственные задатки. Если же собака, хотя она и достигла физической зрелости, не отходит от охотника, путается в его ногах, не ищет, если ее не будоражат встречаемые запахи дичи,— не стоит тратить на нее время: хорошего работника из такого флегматика не получится. Поиск — это эталон рабочих качеств лайки.

Бывает, что охотник излишне груб с собакой, бьет ее. Такое обращение совершенно затормаживает охотничий инстинкт лайки, отбивает у нее стремление искать, делает ее к охоте совершенно непригодной. Мне известно немало таких случаев.

Недавно я приобрел Чайку — породную лайку, которая еще щенком, в первый свой выход в лес, оказалась жертвой дикой жестокости ее владельца. Сам он щенка не воспитывал, а отправил его к отцу в деревню, куда наезжал охотиться. На первой же охоте он убил из-под молодой собаки тетерева. Но когда хотел поднять птицу — Чайка схватила его за руку! За эту дерзость он избил ее и тем самым погасил в ней охотничий инстинкт. Теперь все, что было связано с охотой, вызывало у Чайки чувство страха. Ведь за что ее били, понять она не могла, так как защитная реакция всякой породной лайки — схватить за руку малознакомого человека — была естественной. С тех пор собака

побывала у многих хозяев. На первой же пробе Чайки в лесу я убедился, что она совершенно лишена поиска. Обычно веселая и шустрая, она понуро трусила рядом со мной, опустив голову. Порой она останавливалась, трусливо озираясь по сторонам. Ни ласковое поглаживание, ни подбадривание — ничто не могло вывести ее из подавленного состояния. А ведь Чайке было уже три года!

Постепенными, кропотливыми тренировками мне удалось восстановить охотничьи качества Чайки. Она стала вполне пригодной для охоты. Но перевоспитать ее было нелегко.

Прежде всего, я добился полного доверия Чайки, беспрекословного выполнения ею всех приемов обычной дрессировки. Я сам ее кормил, в свободное время играл с ней, гулял с ней на соседнем лугу. Здесь, играя, я направлял ее искать в хвощах и камышах ближайшего озерка. Поиск поощрял словами «хорошо» и лакомством — кусочком вареного мяса. Потом мы пошли с ней на озера, где держались утки. Вот первая цепочка озер. Чайка охотно пошла в поиск. Заслышав на другой стороне уток, она заметно оживилась, переплыла на тот берег и, подпрыгивая свечкой в зарослях болотных трав, подняла на крыло пару кряковых. Вновь одобрение: «хорошо, хорошо!» и по возвращении ко мне — лакомство. Следующие два выхода также заканчивались встречей с утками. При таком нахаживании очень важно вовремя дать вкусопоощрение: ведь если такой момент будет упущен — поощрение не достигнет цели.

Наконец, первый выезд с Чайкой в лес, с ружьем. Теперь Чайку не узнать. Она энергично ищет, вся во власти охотничьего инстинкта. Но ей еще немного страшно: ходит на небольших кругах, часто меня проверяет. Вот она на больших махах, высоко подняв голову, скрывается в густой чаще леса. Вскоре там слышно хлопанье глухариных крыльев и задорный лай. Мне это была награда за долгий терпеливый труд. С каждым выходом в лес поиск Чайки становился шире, она проверяла меня все реже и реже.

Некогда нанесенная Чайке психическая травма подавила не только охотничий инстинкт, но и нарушила рефлекс хватки. При первых выходах в луга она боялась закусить даже найденного мышонка. Рефлекс хватки удалось восстановить позднее, на охоте по боровой дичи и белке.

Очевидно, следствием той же травмы был и еще один серьезный недостаток Чайки. Встретив в поле незнакомых людей, она бросалась на них так злобно, что становилось жутко не только незнакомцам, но и мне. Каждый раз ее приходилось отзывать свистком или командой «ко мне», успокаивать, корить: «нельзя, нельзя». Во время самой атаки команда «нельзя» на Чайку не действовала (возможно потому, что давалась в

повышенном тоне); по команде же «ко мне» у нее возникали радостные эмоции, рефлекс злобы подавлялся и собака отбегала, не причинив неприятностей незнакомцу. В дальнейшем она на посторонних людей перестала обращать внимание и ходить с ней стало безопасно.

Бывает, что собака перестает вдруг работать по какой-либо дичи. Скорей всего это вызвано тем, что владелец своим неправильным поведением или грубостью (которую сам мог и не заметить) погасил в собаке охотничий инстинкт к данному объекту охоты. Лет тридцать тому назад мой Бойко славился в районе хорошими рабочими качествами. Некий горе-охотник, воспользовавшись моим отсутствием в поселке, задумал пойти с Бойком на охоту. Пес идти с чужим человеком, естественно, отказался. Как мне потом рассказывали очевидцы, сей «охотник» холостым зарядом выстрелил в Бойка в упор. После этого Бойко стал бояться не только ружья, но и всего, что было связано с охотой. Достаточно было мне взять в руки болотные сапоги, как Бойко в ужасе мчался на улицу, прятался в темный угол комнаты и его начинала бить нервная лихорадка. О совместной охоте с ним не могло быть и речи.

Вернуть работоспособность собаке помог выдающийся исследователь и практик дрессировки животных, покойный Владимир Леонидович Дуров. Я воспользовался методом, описанным им в брошюре «Научная дрессировка промыслово-охотничьих собак». Он выправил континентальную легавую Ярда, а я по аналогии распространил его систему на лечение Бойка.

Путем постоянного общения с собакой, ласки, одобрения и вкусопоощрения, т. е. целого комплекса, направленного на создание у собаки радостных эмоций, мне удалось затормозить рефлекс страха и вернуть Бойко к охоте. Тренировались мы около трех месяцев в комнате, не торопясь, переходя от простого к сложному. Сначала я надевал домашний костюм и болотные сапоги. Когда с сапогами он свыкся и перестал их бояться, я сменил обычный костюм на охотничий. Но достаточно было взять ружье, как пса охватывала дрожь, он поджимал хвост и ложился. Приходилось возвращаться к прежним упражнениям и отрабатывать заново. Поэтому упражнение с ружьем пришлось расчленить поэлементно: ружье на вешалке, ружье рядом на полу, и, наконец, ружье в руках. И вот последняя тренировка: в охотничьем костюме, с ружьем в руках. Начали занятия в апреле, а первого августа пошли с Бойком на охоту. От прежнего страха у него не осталось и следа.

В приведенных примерах применялся метод исправления, основанный на ласке и вкусопоощрении. Однако в практике охотников бывают такие случаи порчи, когда собаку

можно исправить, лишь применяя метод болевого воздействия. Многие лайки страдают тяжелым пороком — уносят и поедают отстрелянную белку. Для белковья такая лайка, конечно, совершенно непригодна. По действующим правилам испытаний собака с этим пороком лишается права на диплом. Однако и этот порок поддается исправлению. В старое, дореволюционное время знакомые мне охотники одного из промысловых районов Севера успешно избавляли своих собак от «белкоедетва». Во время полайки на белку охотник срубал небольшую (длиной около метра) елочку и привязывал к ней бечевку. Бечевку заправлял между ног собаки и крепил к ее ошейнику. Потом из подручного материала вырубал плеть, а затем отстреливал зверька. Собака, схватив белку, не успевала сделать и двух- трех шагов, как сверху на нее обрушивались удары и окрик: «нельзя, нельзя». Такой учебы оказывалось вполне достаточно, чтобы собака навсегда забыла скверную привычку — уносить и пожирать убитую белку.

Был и такой случай в моей охотничьей практике. Один знакомый охотник посоветовал для притравки молодой лайки к боровой птице скормить горячие потроха первого же битого тетерева или глухаря. Не имея в то время достаточного опыта, я скормил по анальгии своему молодому Воину теплую тушку белки. После этого эксперимента кобелек быстро пристрастился битых белок утаскивать и пожирать. Были использованы все гуманные средства, чтобы отучить его от этой скверной привычки, но безрезультатно. Оставалось либо отказаться от собаки, либо испробовать дедовский северный метод «лечения». Испытал. И собака была возвращена в строй.

Что касается скармливания молодой лайке горячих птичьих потрохов, то вряд ли такая мера полезна и повысит ее охотничий азарт. Наибольшее удовлетворение лайка получает отнюдь не от утоления голода потрохами, а от возможности давануть и прикусить отстрелянную птицу. Мой совет неискушенным молодым охотникам — не скармливайте своим питомцам ни горячие тушки, ни потроха: тем самым вы рискуете привить лайке скверную привычку мять и поедать зверьков и пернатую дичь.

В заключение следует сказать, что успешная работа породной лайки зависит не только от ее наследственных задатков, но во многом и от самого охотника, от практической работы лайки в лесу, От охотника требуется ровное, спокойное поведение, особенно по отношению к молодой собаке. На охоте с ней нельзя проявлять нервозность, кричать и тем более бить собаку. Своим неправильным поведением легко испортить даже отличную помощницу, сделать ее непригодной для охоты.

Худяков П.

“Охота и охотничье хозяйство” №4 – 1966